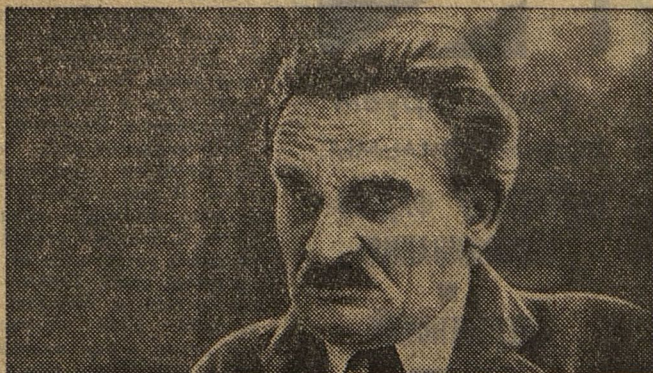

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ ЮРИЯ ОЛЕШИ

Исполнилось 70 лет со дня рождения писателя Юрия Карловича Олеша. О незавершенном сценарии писателя рассказывает М. Поляновский.

Среди старых газет я нашел свое интервью более чем тридцатилетней давности. Оно помещено в газете «Кино» в августе 1935 года и рассказывает о работе Юрия Олеша над сценарием под условным названием «Девушка и смерть».

Вот оно, это интервью: «Мой новый сценарий».

Беседа с Ю. Олешей.
«Уже три месяца я интенсивно работаю над сценарием кинофильма «Девушка и смерть». В основу кинопьесы положена тема о новом сознании людей. В этом фильме я стремлюсь показать, как новый советский человек воспринимает такие понятия, как утрата, разлука, никогда.

Сейчас мне еще трудно определить, когда удастся закончить работу над сценарием, возможно, к осени. В моей привычке — садиться за работу, когда наваливается большое количество материала.

Накопление это проходит у меня сейчас неплохо, работа быстро подвигается вперед.

Сценарий «Девушка и смерть» пишется мною для Киевской кинофабрики «Украинфильм», где сейчас группа кинорежиссера Роома заканчивает работу над съемками фильма по другому моему сценарию «Строгий юноша».

В ближайшие дни группа Роома прибудет в Одессу для съемки натурных сцен «Строгого юноши». После просмотра заснятого материала я смогу судить о том, насколько удалась т. Роому эта картина.

Сценарий «Девушка и смерть», над которым я сейчас сосредоточенно работаю, должен получиться, мне кажется, хорошей и весьма актуальной пьесой».

В архиве Юрия Олеша не оказалось сценария «Девушка и смерть», который предстояло поставить А. Роому.

Телефонный звонок к старейшему нашему кинорежиссеру:

— Да, я поставил фильм «Строгий юноша» по сценарию Юрия Олеша. Но о другом его сценарии не помню...

Зато моя память отлично сохранила обстоятельства, при которых Олеша рассказывал о своей новой работе. Было так.

...В 1935 году я, тогда корреспондент газеты «Известия», завершил путешествие через одиннадцать морей и два океана. Летом отправился на несколько дней в Одессу.

Во время прогулки меня окликнули. На дальней скамье сидели двое мужчин. Один выкрикивал мое имя и жестами подзывал к себе. Это был Олеша. Он забросал меня вопросами:

— Какие привез в Одессу вести? Ладно за морем иль худо? И какое в свете чудо? Садитесь, выкладывайте.

...На скамье, обращенной

к морю, я рассказал Олеше несколько эпизодов из своей поездки по экзотическим странам.

Я попросил рассказать его о будущем фильме.

Он охотно согласился дать интервью для печати.

Я взял блокнот и карандаш. Он коротко сформулировал суть своего будущего сценария и сказал, что накопление материала «проходит у меня сейчас неплохо, работа быстро подвигается вперед».

Но где она, эта работа? Очевидно, не сохранилась. Кто мог бы рассказать о ней более подробно? По совету вдовы Олеша Ольги Густавовны я побывал у Ф. И. Голпа, который встречался в те годы с Ю. К. Олешей.

— Название сценария не было окончательным, — рассказал он. — Юрий Карлович вероятно, назвал бы фильм иначе — «Прощальная улыбка» скорее всего. В основу будущего сценария сперва была положена линия фаустовской темы: пожилой мужчина влюбляется в юную девушку.

Он работал над сценарием много и упорно. Но в ходе работы сюжет не развертывался у него стройно, систематически. Вероятно, потому, что Олеша, работая, все время искал другие коды и линии. Свои новые замыслы он набрасывал на бумагу, затем нередко перечеркивал и бросал написанное. Он часто отклонялся от первоначального сюжета.

— Но я, — говорил далее мой собеседник, — сохранял исписанные и отброшенные автором страницы. Он был взыскателен и строг к себе. Случалось, эти отвергнутые рукописи вновь нужны были Олеше. Он выбирал из них отдельные фразы, абзацы, слова, мысли. Однажды я заметил Юрию Карловичу, что его работа идет разбросанно, скачкообразно.

— Я не Золя, который писал по твердо намеченному им плану, — прогемел в ответ Олеша. — У меня так получается... И вообще, моему, писателю надо платить не за то, что он пишет, а за то, что он живет...

Вернусь, однако, к сценарию. Олеша звел в него образ Черного человека, по чьей теории не любовь побеждала смерть, а наоборот.

Черный человек зловеще доказывал, что мир справедливости, красоты, оптимизма не может быть создан, если существует смерть, уносящая расцветающие, молодые жизни.

Девушка, в которую влюбился старый доктор, была прекрасна.

Она увлекалась мотоспортом, участвовала в гонках, разбилась и погибла.

Эпизод сценария был такой: Черный человек опровергнут жизнью. Если гибнет молодое существо — это не закономерность, а случайность. Жизнь, не лишенная радости и красоты, продолжается.

Макс поляновский